

Каждая
легенда
требует
плату

18+

АЛХИМИЯ СЕКРЕТОВ

СТЕФАНИ
ГАРБЕР

Young Adult. Бестселлеры Стефани Гарбер

Стефани Гарбер
Алхимия секретов

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Гарбер С.

Алхимия секретов / С. Гарбер — «Эксмо», 2025 — (Young Adult. Бестселлеры Стефани Гарбер)

ISBN 978-5-04-245188-1

Холланд Сент-Джеймс всегда верила, что в городских легендах скрыта доля правды. Особенно в тех, о которых рассказывала Профессор на таинственном курсе «Фольклор 517», не существующем ни в одном из расписаний. Когда Холланд находит одного из героев легенд — Часовщика, способного назвать точный час смерти, её мир рушится. Он говорит, что девушка умрёт ровно в полночь завтрашнего дня, если не отыщет древний артефакт — Сердце Алхимика. С каждым часом Холланд всё глубже погружается в тайный Лос-Анджелес, где мифы прячутся за неоновыми вывесками, а у каждой сделки есть цена. На пути девушки появляется притягательный незнакомец, утверждающий, что его прислала её сестра, чтобы помочь, — мужчина, которому нельзя доверять, но без которого ей не выжить. В мире, где все лгут и ни на кого нельзя положиться, Холланд придется понять, кому можно доверять. Потому что даже Сердце Алхимика может оказаться бессильным.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-245188-1

© Гарбер С., 2025

© Эксмо, 2025

Содержание

Фольклор 517	6
Глава первая	8
Глава вторая	12
Фольклор 517. Лучший «Сайдкар» в городе	18
Глава третья	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Стефани Гарбер

Алхимия секретов

Stephanie Garber
Alchemy of Secrets

© 2025 by Stephanie Garber

© Хусаенова Я., перевод на русский язык, 2026

© ООО «Издательство «Эксмо», оформление, 2026

* * *

Фольклор 517

*Папе.
Ты просил не посвящать эту книгу тебе, но я все равно это
сделала.
Люблю тебя!*

Все началось с шепота, который вы услышали, пока стояли в очереди в кафе; с истории, которую, вероятно, следовало бы проигнорировать. Но слова засели в голове, как навязчивая мелодия, терзали, как неразгаданная тайна. Пока наконец не привели вас сюда: на парковку, явно не подчиняющуюся прогнозу погоды.

Метеорологи предсказали, что вечер выдастся безоблачным, поэтому будут видны звезды. Тем не менее вы чувствуете, как дождь бьет по пальцам ног, пока несетесь в сандалиях по дорожке. Капли хлещут нетерпеливым потоком. Уличные фонари мерцают, отмечая сбивчивый ритм ваших шагов.

Вы не запыхались, но все равно замедляетесь, пока наконец не останавливаетесь под навесом. Красные печатные буквы надписи «СКОРО В ПРОКАТЕ» отбрасывают неоновые тени на старую будку билетера, увешанную выцветшими афишами уже показанных фильмов. На одном плакате поблекшей желтой краской написано «Вероника Лейк»¹, с другого же, черно-белого, вам улыбается Лоретта Янг². Ее плакат посвящен «Незабываемой ночи»³, и вы надеетесь, что сегодняшняя станет именно такой.

Вы не уверены, правдивы ли истории, но, зайдя в вестибюль, как будто даже хотите провалиться в кроличью дыру.

Охватившее вас волнение придает всему дополнительный лоск. Справа находится ряд сверкающих таксофонов в аккуратных деревянных или стеклянных кабинках. Вы никогда не видели, чтобы их было так много в одном месте. Вас так и подмывает сделать фото, но вы передумываете. Ничего не вышло бы, даже если бы вы захотели. Хоть вы об этом и не знаете, но к настоящему моменту сотовый уже не работает. Внезапно ваше внимание привлекает старинный торговый павильон слева: покрывающая его пыль будто пропитана ностальгией. Настолько, что вы едва замечаете, как облупилась золотая краска, образующая обрамление в стиле ар-деко из геометрических солнц и прыгающих дельфинов.

На вывеске написано:

Попкорн – 10 центов

Попкорн с маслом – 15 центов

Сигареты – 25 центов

Вы не знали, что раньше в кинотеатрах продавали сигареты, но на мгновение чувствуете запах дыма и попкорна. Даже почти ощущаете вкус сливочного масла. Однако вы не задерживаетесь в вестибюле. Есть только один зал – только один сеанс, – который вы хотите посетить, так что вы направляетесь прямо туда.

В груди становится тесно. Ваше сердце бешено колотится. Вы все еще надеетесь наткнуться на кроличью нору, которая перенесет вас в другой мир. Ваши глаза сияют, и, про-

¹ Вероника Лейк – американская актриса. Родилась 14 ноября 1922 года. (Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.)

² Лоретта Янг – американская актриса, обладательница премии «Оскар» за лучшую женскую роль в 1948 году.

³ «Незабываемая ночь» (A Night to Remember) – фильм-детектив 1942 года.

ходя через двойные двери, вы полны оптимизма, точно слишком светлый, передержанный снимок.

Здесь по-прежнему пахнет дымом, попкорном и чем-то еще. Возможно, старым бархатом с нотками земли после дождя. Этот запах побуждает в вас мысли о цветных снах, пока вы вытягиваете шею, чтобы полюбоваться невероятно высоким потолком из слоновой кости и позолоты. Он покрыт узорами в стиле ар-деко, которые напоминают круг знаков зодиака.

Часть мест под изысканным куполом уже занята. Двадцать пять? Может, пятьдесят? Вы слишком взволнованы, чтобы назвать точное число, устраиваетесь в конце зала. Потертый бархат раскачивающегося кресла мягок, но вам кажется, что оно расположено слишком далеко от сцены.

Вы решаете пересесть поближе, украдкой поглядывая на остальных. Вам хочется удостовериться, нет ли среди них знакомых. Но, учитывая, как мало людей вы знаете в колледже, неудивительно, что лица присутствующих ни о чем вам не говорят. Кто-то шепчется, кто-то хихикает, а кто-то, как вы, молчит, но всех связывает общая нить: ожидание.

Вот оно. Темно-розовый занавес раздвигается, и вы задерживаете дыхание.

«Просим джентльменов снять шляпы», – мелькает надпись на серебряном экране.

Затем ее сменяет другой слайд: «Свистеть и громко разговаривать запрещается».

Понятное дело, это вызывает несколько свистков, но затем все стихает. Когда изображение исчезает с экрана, в его правом верхнем углу появляется крошечная звездочка. Она мигает раз-другой, и в кинотеатре гаснет свет.

На улице темнее, чем ночью. Вы слышите, как люди достают телефоны, но ни один из них, как и ваш, не работает. Ни сигнала, ни света, ни цифровых часов, способных показать, сколько прошло времени.

Вы не знаете, как долго сидите, прежде чем слышите, как уходит первый человек. Он решил, что это занятие – если его вообще можно назвать занятием – не для него. За ним удаляются еще несколько.

Вы ненавидите себя за желание сделать то же самое.

Капли дождя на ваших ногах высохли, но кожу покалывает от холода. Вам кажется, что за вами наблюдают, хотя вокруг слишком темно, чтобы что-то увидеть.

Проходит еще немного времени, и вы вспоминаете истории, которые слышали, – слухи и перешептывания об очень специфическом курсе, который нельзя найти онлайн, который ведет профессор, не отмеченный ни на одном веб-сайте. Неожиданно вы осознаете, что на то есть веская причина. Понимаете, что, возможно, стоит уйти. Думаете...

На сцене вспыхивает свет: крошечный, но он все же застает вас врасплох. На мгновение вы закрываете глаза, а когда ваше зрение проясняется, она уже здесь.

Сидит на деревянном стуле в центре сцены.

Вы не знаете, как долго она там была, но создается впечатление, что она ждала несколько часов, как и те два десятка человек, которые остались. Она ниже, чем вы себе представляли. Люди всегда рассказывали о ней как о ком-то высоком, статном, создающем впечатление. Однако она похожа на чью-то бабушку. Коротко подстриженные серебристые волосы обрамляют круглое, по-видимому редко улыбающееся лицо, и она произносит слова, которые заставляют вас почувствовать, что холод, сырость и ожидание того стоили.

– Вы здесь из-за истории, – начинает она. – Так позвольте мне рассказать вам одну.

Глава первая

Холланд Сент-Джеймс считала минуты до сегодняшнего вечера. Она перемерила семь платьев, сменила пять пар обуви, завила волосы и даже накрасила глаза. И вот теперь она собиралась все испортить.

– Я думал, мы собирались поесть мороженого? – любезно спросил Джейк. Потому что Джейк, возможно, был самым любезным парнем, с которым Холланд встречалась.

Когда пару недель назад Джейк впервые заглянул в кофейню «Санта-Моника», Холланд подумала, что он настоящий красавчик. В очках в темной оправе, которые всегда были ее личным криптонитом, Джейк больше походил на Кларка Кента, чем на Супермена. Они столкнулись, и он пролил свой холодный кофе. Холланд же заметила учебники, которые Джейк держал в руках: он учился в аспирантуре на преподавателя английского.

На их первом свидании она узнала, что он также занимался волонтерством в лос-анджелесской организации по спасению животных, а также в магазине, посвященном путешествиям во времени в Эхо-Парке⁴, – некоммерческой организации, помогавшей детям в написании рассказов. На их втором свидании она узнала, что Джейк недавно стал вегетарианцем и начал ездить на велосипеде, потому что хотел сделать все возможное для защиты окружающей среды.

Джейк оказался по-настоящему хорошим парнем.

Какая-то крошечная часть Холланд считала, что он слишком идеален, как электронное письмо без опечатки или нарисованная аэрографом картина, которой недоставало лишней черточки. Но, возможно, Холланд искала тревожные знаки, которых не существовало.

Это было всего лишь их третье свидание, но за последние два года Холланд не удавалось продвинуться с кем-либо до четвертого. Она действительно не хотела все испортить и боялась, что, возможно, уже сделала это: когда несколько минут назад, увидев плакат, который навел ее на мысль об одной из историй Профессора, не удержалась и потащила Джейка в грязный переулок.

Приклеенный к цементной стене плакат напоминал те винтажные распечатки, которые могли бы украшать одну из деревянных открыток, продававшихся на пирсе Санта-Моники. Выгоревшие на солнце коричнево-зеленые пальмы обрамляли изображенный углем силуэт смотрящего на часы мужчины в фетровой шляпе. На плакате не было ни логотипов, ни названий брендов. На самом деле на нем не было ни слова, чтобы определить, что именно продавалось. Лишь буква «Ч» на запонках безликого мужчины.

Часовщик.

Это была первая мысль, которая пришла Холланд в голову, прежде чем она повела Джейка по переулку. Она просто не могла противиться соблазну.

Холланд выросла с отцом, который постоянно устраивал охоту за сокровищами. С ранних лет она училась находить подсказки, пока другие дети играли в кубики или заводили друзей. Возможно, именно поэтому Холланд постоянно чувствовала себя не на своем месте, пока не попала на занятия Профессора по фольклору. Ее рассказы заставили Холланд ощутить себя так, словно она снова искала спрятанные отцом сокровища.

На самом деле этим вечером она не надеялась что-либо обнаружить. Много в Лос-Анджелесе напоминало ей об историях Профессора, а Холланд всегда чувствовала себя обязанной мчаться за ними. Она постоянно петляла по переулкам, которые, готова была поклясться, никогда раньше не видела, чтобы после наткнуться на бар, кофейню или книжный магазин, в которых уже бывала.

⁴ Эхо-Парк – район в Лос-Анджелесе.

Только не сегодня. Холланд знала, что никогда не замечала этот переулок. Она бы запомнила вывеску.

*Заводные часы и антиквариат
Не стесняйтесь заглянуть*

Она висела на блестящем медном крючке у двери, которая, как хотелось верить Холланд, была старинной, а возможно, просто грязной. Одного взгляда на Джейка оказалось достаточно, чтобы понять – он склонялся к последнему. Возможно, он также размышлял, почему согласился пойти на это свидание. Холланд хотелось переубедить его, но при этом ей хотелось войти внутрь и убедить Джейка составить ей компанию.

– Тебе нравятся городские мифы? – спросила она.

– Да... Даже очень. – Теперь Джейк одарил ее улыбкой, которая больше подходила Супермену, чем Кларку Кенту. Холланд снова почувствовала искорку надежды, что движется в правильном направлении.

И все же... она заколебалась.

У Профессора было правило, которое никто не нарушал, – не делиться ее историями с посторонними. Курс требовал слишком больших усилий, чтобы потом студенты рассказывали обо всем бесплатно. К тому же Профессор всегда предупреждала, что это может привести к серьезным последствиям. Только Холланд больше не изучала курс «Фольклор 517», да и речь шла о всего лишь одной истории. Однако...

– Прежде чем я скажу что-нибудь еще, – тихо начала она, – поклянись своим велосипедом, или жизнью своей собаки, или тем комнатным растением, которое ты так усердно выращивал, что ты никому не расскажешь.

Улыбка Джейка стала шире.

– Клянусь. – Он наклонился и, словно скрепляя обещание, легонько поцеловал ее в губы. – Это что-то вроде семейной тайны?

Холланд замерла.

Она напонила себе, что Джейк вырос в большой семье, члены которой всегда звонили ему и делились даже самыми обыденными подробностями того, как прошел их день. Разговоры о семье были для Джейка обычным делом. Он не пытался что-либо разузнать.

Тем не менее ей потребовалось несколько секунд, чтобы улыбнуться – игриво, как она надеялась.

– Это не семейная тайна, но мне не следует об этом говорить. На старших курсах я посещала занятия «Фольклор 517: местные легенды и городские мифы». Сам курс – своего рода местная легенда. На него невозможно зарегистрироваться. Его нет ни на одном веб-сайте. Найти его получится только из разговоров. Если пройдешь курс, в конце семестра он появится в твоих записях.

Джейк выглядел заинтересованным.

– Выходит, это что-то вроде занятий в тайном обществе?

Холланд нервно, а возможно, взволнованно кивнула. Что плохого в том, чтобы поделиться такой маленькой тайной?

– Каждую неделю Профессор рассказывала какую-то местную легенду или городской миф, и нам приходилось клясться, что мы ни с кем не станем ими делиться. Одна из легенд повествует о Часовщике. Говорят, в Лос-Анджелесе есть знаки, способные привести к нему. Если следовать указателям и найти Часовщика, можно спросить у него, который час. В ответ он скажет, когда ты умрешь.

Выражение лица Джейка изменилось; от беспокойства между бровями пролегла едва заметная морщинка.

– Все не так страшно, как кажется, – поспешила заверить Холланд. – Профессор также сказала, что с Часовщиком можно заключить сделку, чтобы получить больше времени и пожить дольше, чем было отведено.

– И ты *правда* в это веришь? – спросил Джейк. В его голосе слышалось что-то, чего Холланд не смогла распознать, но внезапно она испугалась, что слишком обрадовалась его интересу к легендам. Джейк был обычным парнем, который, вероятно, привык ходить на самые обычные свидания. Скорее всего, и девушку он искал самую обычную.

Конечно, нет.

Просто это забавно.

Нет, ни капли.

Любой из этих вариантов стал бы отличным ответом на его вопрос; это и сказала бы обычная девушка.

– Просто зайди со мной внутрь, – уклончиво произнесла Холланд.

– Конечно, – отозвался Джейк. А поскольку он был хорошим парнем, то даже открыл для нее дверь с табличкой «Заводные часы и антиквариат».

Все внутри было выполнено из молочного стекла и золота. Идеальный ряд светильников из молочного стекла, подвешенных на золотых шнурах, освещал идеальный пол из мелкой мозаики того же цвета с множеством мерцающих золотых плиток, на которых было написано «тик-так».

Ни отпечатков ног, ни пятен, только сверкающие в свете стеклянных лампочек слова, которые переливались, будто следовали движению секундой стрелки.

Это было похоже *на волшебство*. Не на большое, невероятное чудо, а простое волшебство вещей, неподвластных времени. Например, двухдолларовых купюр и рукописных писем или пишущих машинок и стационарных телефонов.

Холланд могла бы произнести это вслух, но Джейк выглядел так, словно не был уверен, как вести себя в этой жуткой комнатке в дебрях странного переулка. Не на это он рассчитывал, когда предложил поехать мороженого. Ему нужно было свидание, фото которого хорошо смотрелось бы в профиле, а не такое, которое могло бы попасть на Reddit⁵ в рубрику «Ужасное знакомство».

Холланд определенно поняла все неправильно, но теперь уже не могла уйти. Ей казалось, что она никогда еще не была так близка к тому, чтобы отыскать один из мифов Профессора в реальной жизни.

Напротив них располагались две двери, тоже из молочного стекла: глянцево-белые, с золотыми ручками и такими же прямоугольными табличками в центре. На одной было написано «Антиквариат», на другой – «Заводные часы».

Холланд потянулась к последней в надежде, что та ведет к Часовщику. Если уж ей было суждено испортить это свидание, стоило сделать это по веской причине.

Дверная ручка не поддалась.

Холланд дернула еще раз.

– Кажется, заперто.

Джейк протянул руку поверх ее плеча и постучал. Два громких удара костяшками пальцев.

– Чем могу помочь? – донесся голос из-за двери с надписью «Антиквариат».

В дверном проеме стояла девушка. Ее платиновые волосы были коротко подстрижены, а в носу виднелось маленькое колечко. Она была одета в приталенное белое платье того же

⁵ Reddit – сайт, сочетающий черты социальной сети и форума, где зарегистрированные пользователи могут размещать ссылки на информацию в интернете и обсуждать ее. Основная идея – одни пользователи публикуют контент, а другие комментируют и оценивают его.

оттенка, что и молочное стекло. На первый взгляд незнакомка выглядела молодо, но что-то в ее позе и пристальном взгляде вынудило Холланд подумать, что внешность могла быть обманчивой.

Холланд попыталась заглянуть девушке за спину, чтобы хоть мельком увидеть хранящиеся внутри диковинки, но не разглядела ничего, кроме яркого света.

Девушка нетерпеливо забарабанила квадратными ногтями по дверному косяку.

– Мы ищем Часовщика, – сказала Холланд.

– Простите, но ничем не могу вам помочь. – Девушка тут же отступила, чтобы закрыть дверь.

– Я лишь хочу спросить у него, который час, – выпалила Холланд.

Девушка замерла.

– Уверена, дорогуша? – Ее взгляд так и говорил, что было бы разумнее уйти прямо сейчас и прихватить смазливый паренка с собой.

– Она уверена, – вмешался Джейк. – Я тоже хочу узнать, который час.

– Правда? – уточнила Холланд.

Он обнял ее за плечи, и Холланд ощутила тепло его кожи.

– Если ты это делаешь, то и я тоже.

Она хотела спросить, что заставило его передумать, но внезапно ее охватило очень сильное волнение.

Девушка в белом пробормотала что-то себе под нос – что-то, похожее на слово «глупцы», – а после скрылась за дверью.

Время в зале из молочного стекла замедлилось, пока Холланд ждала ее возвращения. Рука Джейка на ее плече стала горячее. На этот раз Холланд почувствовала себя неловко, надеясь, что девушка все-таки выйдет.

Наконец дверь, ведущая к антиквариату, снова открылась. Девушка вышла и протянула им ручки и листки бумаги с прикрепленной сзади копиркой. Незнакомка поджала губы.

– Если вы уверены, напишите свои имена и укажите, что хотите узнать. Часовщик с вами свяжется.

Глава вторая

Следующее утро наступило неторопливо, будто бы не желая выполнять работу, от которой уже устало.

Холланд проснулась в полной тишине. Не было слышно ни щебета птиц, ни проносящихся по улице машин, ни скрипа половиц оживающего дома. На секунду она готова была поклясться, что даже ее сердце не билось.

Когда Холланд наконец села в постели, у нее закружилась голова. Внезапно она почувствовала легкую тошноту. Дело было не в похмелье. По крайней мере, она так не думала.

Холланд попыталась вспомнить, что делала прошлым вечером. Но какое-то время даже не могла вспомнить, какой сегодня день. Она чувствовала себя листком бумаги, частично прилипшим к предыдущей странице.

Холланд осторожно наклонилась, чтобы проверить телефон.

Был четверг.

А значит, вчера была среда.

Ее третье свидание с Джейком.

Детали всплыли в памяти медленной чередой прожженных снимков, которые наводили на мысль о старом домашнем видео. Холланд вспомнила переулочек... Молочное стекло... Руку Джейка на ее плече... Копирки... Простое волшебство вещей, неподвластных времени... Часовщика...

В тот момент все казалось таким волнующим.

Но теперь, когда она прокручивала события в голове, вечер показался ей на удивление неинтересным и далеким.

Выйдя из переулка, они наконец-то купили мороженое с арахисовым маслом и беконом, потом Джейк поцеловал Холланд у ее машины. Поцелуй получился долгим. Однако, возможно, Джейк относился к поцелуям не так, как она, поскольку впервые с момента их знакомства он не разбудил ее сообщением.

Хотя было еще не так поздно. Джейк все еще мог пожелать ей доброго утра.

Словно по сигналу ее телефон зазвонил.

Но сообщение было не от Джейка.

Встреча с Адамом Бишопом

в 14:00.

Холланд бросила телефон обратно на кровать.

Адам Бишоп был новым преподавателем по программе изучения фольклора, недавно переведшимся из Калифорнийского университета в Беркли. Холланд еще не встречалась с ним, но слышала болтовню других аспирантов. Похоже, он всем нравился.

Электронное письмо, которое Адам отправил ей в понедельник, представляло собой просьбу явиться к нему после обеда. Когда Холланд уточнила причину, он загадочно ответил, что будет проще объяснить все лично.

Она решила, что, возможно, он ищет ассистента и Профессор посоветовала ее. Пусть Холланд и отставала от плана написания диссертации, зато она была отличным ассистентом. Она помогала Профессору два года – до выпуска и на первом курсе аспирантуры. Все знали, что это требовало большого терпения, а также ряда навыков, которые обычно не указывались в резюме. На самом деле Холланд очень скучала по этой работе, но теперь у нее была другая. Фантастическая работа.

Каждую пятницу вечером Холланд показывала классические фильмы в кофейне «Санта-Моника», а после проводила их обсуждение. Что-то вроде преподавания без необходимости ставить оценки, да и всем разрешалось выпить.

Холланд нравилась ее работа.

Ей нравилась кофейня. Люди, которые приходили каждую неделю. Но больше всего Холланд нравились старые фильмы.

Она полюбила кино в четыре года, когда отец показал ей и ее сестре-близняшке «Волшебника страны Оз». Когда фильм закончился, ее сестра бросилась за метлой, а Холланд попросила рубиновые туфельки.

Отец обратился к ней: «Так и думал, что ты это скажешь, Холлибелс». А затем сообщил, что туфельки уже ждут ее где-то в доме. Нужно лишь их найти.

Это стало ее первой охотой за сокровищами.

Отец всегда связывал их с кино. Благодаря показу старых фильмов в кофейне Холланд чувствовала себя ближе к нему. Она устроила марафон фильмов нуар⁶, поскольку ей нравилась стоящая за ними история. Ей нравилось, как такие фильмы заставляли ее поверить в существование скрытого от посторонних глаз черно-белого уголка мира, где частные детективы дежурили на улицах, а не в забегаловках и по крайней мере раз в неделю в дверь входила роковая женщина с неравномерным окрашиванием, способная повести чью-то жизнь по темному, извилистому пути.

Если Адам Бишоп хотел нанять ее в качестве ассистентки, Холланд не собиралась принимать предложение. Однако ей все равно было любопытно. Она всегда была любопытной.

Поднявшись, Холланд отправилась на пробежку и попыталась представить, чего еще мог хотеть от нее Адам Бишоп. Но пробежка превратилась в прогулку, а утро переросло в полдень, пока мысли Холланд все возвращались к Джейку.

Который все еще не написал.

Холланд хотелось сожалеть о том, что повела его в тот переулок. Ей хотелось думать, что все сложилось бы по-другому и она проснулась бы от сообщения «Доброе утро», если бы они сразу пошли есть мороженое, а она не испортила бы все, погнавшись за городским мифом о смерти.

На самом же деле Холланд хотела нравиться Джейку, *несмотря на* миф – или, может быть, даже благодаря ему. Ирония заключалась в том, что Часовщик даже не был ее любимой легендой. Холланд не интересовало, когда она умрет, она просто мечтала узнать, правдивы ли эти истории.

Близилось время встречи с Адамом. Холланд в последний раз проверила телефон.

Ничего.

Она понимала: это не значит, что все кончено, но в тот момент ей казалось, что эти отношения ни к чему не приведут. Она раздумывала, не написать ли Джейку, но в их переписке ее сообщение было последним. Она отправила его вчера, вернувшись домой.

Вот бы Дженьюэри была здесь.

Холланд знала, что сказала бы ее сестра-близнец: что-то вроде «Наплюй на парня, который тебя не хочет». Только вместо «наплюй» она использовала бы слово посильнее.

Сестры, возможно, и были похожи внешне, но во всем остальном не могли быть более разными. Тем не менее Дженьюэри была лучшей подругой Холланд. Единственным человеком, которому та все рассказывала.

⁶ Нуар (*фр.* film noir – «черный фильм») – кинематографический термин, применяемый к голливудским криминальным драмам 1940–1950-х годов, в которых запечатлена атмосфера пессимизма, недоверия, разочарования и цинизма, характерная для американского общества во время Второй мировой войны и в первые годы холодной войны.

Холланд бросилась вниз по лестнице, спеша на встречу с Адамом. Ее дом, как и многие другие вещи, которые нравились Холланд, был старым, построенным в 1940-х годах, с белыми стенами, отделкой из натурального дерева и множеством пропускающих свет окон. На полпути вниз Холланд позвонила сестре.

Обычно они общались каждый день, но из-за работы с начала октября Дженьюэри была занята больше обычного. За последние три недели она прислала из Испании лишь несколько редких сообщений и фото.

Сразу после колледжа Дженьюэри устроилась книжным детективом. Люди были готовы платить баснословные суммы, чтобы обладать тем, чего не было ни у кого другого, и в обязанности Дженьюэри входило разыскивать подобные вещи. Работа идеально ей подходила. Она всегда мечтала путешествовать и, как и Холланд, выросла на поисках сокровищ, которые устраивал их отец. И все же Холланд не хватало сестры, когда та отправлялась в дорогу.

Раздался один гудок, прежде чем звонок переключился на голосовую почту. «Здравствуйте. Вы позвонили Дженьюэри Сент-Джеймс. В данный момент я нахожусь в другой стране...»

Запись прервалась, потому что Дженьюэри взяла трубку.

– Привет... – Голос у нее был запыхавшийся, но вполне бодрый.

– Я позвонила в неподходящее время? – спросила Холланд.

– Нет, но у меня есть всего секунда. – На заднем плане слышался шум уличного движения, больше подходящий для полудня, чем полуночи.

– Чем ты занимаешься? – уточнила Холланд.

– Скучными рабочими вопросами. Только что закончила встречу с клиентом, которому очень нравился звук собственного голоса. – Дженьюэри всегда старалась выставить свою работу менее интересной, чем та была на самом деле. Вероятно, чтобы Холланд не завидовала. Однако сегодня вечером Дженьюэри и правда звучала немного устало. – Я скучаю по тебе.

Дженьюэри никогда не говорила, что скучает.

– Я тоже по тебе скучаю, – сказала Холланд. – Мой дом кажется слишком чистым, ведь ты давненько не заезжала. Когда вернешься?

– Еще не скоро... – На секунду на линии воцарилась тишина. На мгновение Холланд решила, что сестра сбросила звонок, но тут Дженьюэри продолжила: – Хотелось бы мне быть рядом... – Голос Дженьюэри стал таким мягким, что даже не походил на ее собственный.

– Все в порядке? Какая-то ты сентиментальная. – Обычно сентиментальной была она, Холланд.

– Просто устала, – ответила Дженьюэри. Должно быть, так и было, потому что она даже не усмехнулась над тем, что ее называли сентиментальной. – Здесь уже поздно. Я хотела бы поболтать, но мне нужно спешить. Я...

Звонок в дверь заглушил последние слова Дженьюэри.

Вызов прервался.

Холланд выглянула в окна, расположенные по обе стороны от входа. В дверь обычно звонили разве что случайно заглянувшие продавцы солнечных батарей или средств от вредителей. Тем не менее не было похоже, чтобы этот джентльмен что-то продавал.

Пряди серебристых волос выбивались из-под шляпы, а слегка загорелые щеки покрывали морщинки. Мужчина был одет в белую рубашку и брюки цвета хаки с яркими подтяжками в красно-белую клетку, на фоне которых все остальное на тихой улице Холланд казалось скучным.

Холланд не могла терять ни минуты, если не хотела опоздать на встречу. Но стоило ей выглянуть в окно, как ее пронзило чувство дежавю.

«Я уже встречала его», – подумала она, хоть и не могла вспомнить, где именно.

Возможно, подтяжки напомнили ей о старой фотографии дедушки, который умер еще до ее рождения.

Что бы это ни было, этого оказалось достаточно, чтобы она открыла дверь.

– Здравствуйте, Холланд, – улыбнулся джентльмен. Эта легкая улыбка натолкнула ее на мысль о сказках на ночь и леденцах в блестящих обертках.

– Мы знакомы? – спросила она.

– Боюсь, что нет. – Он все еще улыбался, но блеск в его карих глазах угас, когда он протянул ей посылку, завернутую в коричневую бумагу и перевязанную бечевкой.

– Что это?

– Я нашел ее у вас на пороге.

Холланд присмотрелась к посылке. Никакого обратного адреса, только большая оранжевая марка в углу, гласящая «Счастливого Хэллоуина», и ее полное имя, Холланд Сент-Джеймс, напечатанное посередине размытым старомодным шрифтом.

Должно быть, ее отправила Профессор. Она любила рассылать посылки и, конечно же, никогда не указывала свое имя в графе отправителя, потому что хотела, чтобы ее послания оставались загадочными.

Когда Холланд взяла в руки коричневую коробку, то почувствовала покалывание в ладонях. Ей было любопытно, что Профессор прислала на этот раз. Обычно это были эзотерические книги или рукописи о дьяволе, которые, по ее мнению, могли пригодиться Холланд для диссертации.

К сожалению, у Холланд не было времени, чтобы открыть посылку, так что она положила ее на пол в прихожей.

– Спасибо, – сказала она мужчине. – Но, боюсь, мне нужно...

– Знаю, вы торопитесь, но мне нужна лишь минута вашего времени, – пообещал незнакомец и протянул визитную карточку, бледно-кремовую, с изумрудным тиснением.

МАНУЭЛЬ ВАРГАС

Старший банкир и специалист

по наследственным делам

Первый банк города Сентенниала

Внизу был указан номер телефона.

На обратной стороне визитки изображалась карта, на которой звездочкой отметили расположение банка, а под ней – слова «Только по предварительной записи».

– Никогда не слышала об этом банке, – заметила Холланд. На занятиях Профессор рассказывала о банке, в который можно было попасть только по предварительной записи. Однако это была единственная история, которую Холланд никак не могла вспомнить. По какой-то причине, вместо того чтобы прийти в восторг от мысли, что этот мужчина мог оказаться работником того самого места, Холланд отнеслась к происходящему скептически.

Город Сентенниал, где предположительно находился банк, даже не считался настоящим городом. Пусть Холланд никогда там не бывала, но она знала, что это старый и очень богатый район Лос-Анджелеса, в котором проживало закрытое сообщество и который состоял в основном из огромного парка, где богачи занимались типичными для них вещами, например игрой в поло. Она слышала, что когда-то в Сентенниале располагался бутик-отель, но местные жители, вооружившись своим богатством, прикрыли его.

– Разве вы не получали моих писем? – спросил мужчина.

– Я не получала ничего от банка, – вскинула брови Холланд.

– Прошу прощения. Должно быть, они затерялись. Извините. Я решил, что вы игнорируете их, поэтому и заглянул сегодня, в каком-то смысле ухватившись за последнюю надежду. –

Помрачневший мистер Варгас снял шляпу, обнажив пышную седую шевелюру. – Пятнадцать лет назад один из моих клиентов арендовал банковскую ячейку. Вскоре после этого он скончался. Поскольку ячейка уже была оплачена, к ней не прикасались. Однако срок ее аренды подходит к концу. – Мистер Варгас прервался, чтобы взглянуть на часы. – Она истекает через двадцать пять часов. Согласно контракту с первоначальным владельцем, если до истечения этого срока никто не предъявит на ячейку права, ее содержимое будет сожжено.

– Дайте-ка угадаю, – начала Холланд, – вы хотите сказать, что я могу предъявить права на эту таинственную ячейку?

Мистер Варгас с серьезным видом кивнул, а после вытер струйку пота со лба.

– Знаете, – заметила Холланд, – история просто отличная.

Так и было. Это была как раз та загадка, перед которой Холланд обычно было трудно устоять.

Неожиданно она осознала, почему была настроена скептически.

То, что еще один городской миф появился прямо у нее на пороге после того, как вчера вечером она, гонясь за историей Профессора, выдала свою личную информацию незнакомцу, казалось невероятным совпадением.

Может быть, именно поэтому вчера девушка пробормотала «глупцы». Не потому, что Холланд и Джейк игрались с реальными мифами и магией, а потому, что они верили в них настолько, что поделились своей личной информацией.

– Мне бы очень хотелось вам поверить, – продолжила Холланд. – Только вот все это похоже на версию электронного письма от нигерийского принца, в котором он сообщает, что у моего давно потерянного дяди есть заблокированное в их стране состояние. И чтобы сохранить его, мне нужно дать свой номер социального страхования, доступ к банковскому счету и пять пинт крови.

– Я не мошенник, – нахмурился мистер Варгас.

– Заметьте, не я произнесла это слово. – Холланд попыталась закрыть дверь, но мистер Варгас на удивление быстро ухватился за ее край.

– У вас есть все основания проявлять осторожность. Но мы оба знаем, кого вы с сестрой потеряли почти пятнадцать лет назад.

Второй раз за день Холланд готова была поклясться, что ее сердце перестало биться.

«Этот человек – мошенник. Аферист. Лжец», – твердила себе Холланд.

Большинство ее друзей были в курсе, что у нее есть сестра-близнец. Много кто умер пятнадцать лет назад. Мистер Варгас мог выбрать такое количество лет для большего драматизма. Это еще не означало, что он на самом деле знал, кого она потеряла.

Холланд практически слышала голос сестры, сурово советующий выбросить визитку и сжечь все, что было в коробке... Если там вообще была коробка.

«Оставь мертвых там, где им и положено быть», – сказала бы Дженьюэри.

Проблема заключалась в том, что Холланд никогда не чувствовала, будто ее родителям положено быть среди погибших. Возможно, этот мужчина был лжецом, мошенником и аферистом, но Холланд, не удержавшись, спросила:

– Если приду в банк, что мне понадобится, чтобы открыть эту ячейку?

– Нам лишь нужно идентифицировать вашу личность. Однако... – Мистер Варгас прервался и, понизив голос, продолжил: – Если вы все-таки запишетесь на прием, пожалуйста, сделайте мне одолжение: никому не говорите. Даже если вы не станете звонить по указанному номеру, лучше вам не упоминать о моем визите или об этой ячейке.

У Первого банка города Сентенниала не было веб-сайта. Холланд не смогла найти и адрес электронной почты мистера Варгаса.

Она расхаживала по коридору, зная, что ей нужно идти на встречу с Адамом Бишопом, но чувствовала себя слишком растерянной, чтобы садиться за руль.

Обычно она с радостью уцепилась бы за подсказку, но это определенно походило на мошенничество. Иначе зачем мистеру Варгасу просить не упоминать о его визите? Будь это правдой, вместо того чтобы болтать о загадочной смерти, ему следовало лишь назвать ее настоящую фамилию или имя одного из ее родителей.

Холланд никогда не произносила имена родителей вслух. В Лос-Анджелесе все знали ее как Холланд Сент-Джеймс. Настоящая же фамилия стала ее самым большим секретом.

Почти пятнадцать лет назад, после смерти родителей, тетя и дядя предложили сменить ее. Все знали, кем были отец и мать близняшек. Их смерть стала сенсацией, о которой говорили до сих пор. Узнай кто-нибудь, чьими дочерьми были Холланд и Дженьюэри, они могли бы думать только об этом: каким образом погибли их родители и как, должно быть, их смерть сказалась на девочках. Сестры никогда не стали бы отдельными личностями. Лишь историей, которую то и дело повторяли бы, или сюжетом специальных выпусков новостей.

Она вспомнила, как вчера вечером по глупости назвала свое имя и номер телефона девушке в переулке. Возможно, та являлась бывшей студенткой Профессора и, услышав легенду о Часовщике, решила продать личную информацию Холланд людям, которые готовы были использовать ее для личной выгоды. Вполне логично, что студенты, которые верили в мифы, также поверили бы и незнакомцам, появившимся у них на пороге, чтобы сообщить о таинственной банковской ячейке.

Холланд не хотела выставлять себя наивной. Завещай кто-то из родителей ей что-либо, она бы узнала об этом раньше.

Она не могла позвонить мистеру Варгасу, хоть и испытывала такое искушение. Холланд слишком хорошо себя знала. Однажды попав в кроличью нору, она не остановилась бы, пока не дошла бы до конца. Упасть она боялась не так сильно, как никогда не узнать правду.

Фольклор 517. Лучший «Сайдкар» в городе

Сегодня вечером второе занятие.

Вы снова пришли в старый кинотеатр, в котором на этот раз пахнет чем-то сладким. Попкорном с карамелью... или «Крекер Джеком»⁷?

Аромат настолько сильный и навязчивый, что вы ожидаете увидеть, как ваш сосед достает коробку всем известных сладостей. Однако все заморожены происходящим на сцене. Никто не пьет кофе, не печатает на ноутбуке. Конечно, ноутбуки запрещены, только ручки и блокноты – *спасибо большое*, – но ими тоже никто не пользуется.

Профессор уже начала лекцию.

Раздается приглашенный шелчок, и она улыбается, когда на серебристом экране отображается слайд. Фотография прямоугольной визитной карточки: черной, с чередой золотых линий в стиле ар-деко по краям. Похоже, что когда-то в центре карточки располагалась надпись, но она стерлась.

Фото на следующем слайде явно старше; золотой и черный цвета более тусклые. Дизайн визитной карточки определенно тот же, только в середине никаких надписей, стертых или нет.

Демонстрируется еще несколько слайдов, один старше другого. Однако на каждом снимке все та же черно-золотая визитка.

Вы никогда не думали, что вам нравится ар-деко, но, когда слайды становятся черно-белыми, элегантность рамок завораживает вас.

Внизу одного из слайдов указано: «1942 год».

Затем – «1936 год».

За ним – «1927 год».

Все это время Профессор молчит.

Вы продолжаете ждать, когда она что-нибудь произнесет – ведь она обещала рассказать историю, – но Профессор лишь улыбается, как Мона Лиза.

Наконец кто-то поднимает руку и, не дожидаясь, когда его вызовут, спрашивает:

– Мы должны найти одну из этих визиток?

Профессор смеется сухо и хрипло. Без особого веселья.

– Таких визиток не найти, молодой человек. Существует только один способ получить их. – Наконец-то она переходит к рассказу. – В Лос-Анджелесе есть несколько отелей, куда наведывается нечисть, один из них особенно нравится дьяволу. Говорят, ему по вкусу их «Сайдкар».

Человек рядом с вами шепчет:

– Что такое «Сайдкар»?

– Думаю, напиток, – бормочете вы в ответ.

– Это коктейль, – сообщает Профессор, глядя прямо на вас. – Его готовят из смеси коньяка и цитрусовых; «Сайдкар» существует уже более ста лет. Если купите такой коктейль дьяволу, он подарит вам свою визитную карточку. Каждую визитку можно использовать лишь раз, чтобы встретиться с дьяволом и заключить с ним любую сделку, какую только пожелаете. И тогда...

Она шевелит пальцами в жесте, который повсеместно означает магию, пока объясняет, что именно поэтому карточки пустые: когда они были использованы для сделки с дьяволом, надпись на них исчезла.

⁷ «Крекер Джек» (Cracker Jack) – это американская закуска: шарики попкорна со вкусом патоки, покрытые карамелью и арахисом. Название «Крекер Джек» (Cracker Jack) и слоган «Чем больше ешь, тем больше хочется» были зарегистрированы в 1896 году.

Вы настроены скептически. Ее единственным доказательством служат фотографии, но вы даже не уверены, настоящие ли они. Подобные изображения мог создать кто угодно. Дьявол – всего лишь миф, в который вы не верите. Тем не менее, выходя из кинотеатра, вы хотите заполучить одну из этих визиток.

Глава третья

В прошлом году все выпускные занятия Холланд проходили в вечернее время, так что теперь было странно гулять по кампусу, когда еще светло.

Все вокруг пахло свежескошенной травой и выглядело как глянцевая обложка рекламного буклета приемной комиссии. Катавшиеся на велосипедах и игравшие во фрисби студенты купались в лучах позднего октябрьского солнца. В тени деревьев, потягивая холодный кофе, хихикала парочка, а из портативной колонки на повторе звучала знакомая песня. Слышать ее снова и снова напрягало, но, возможно, в этом и был смысл?

Ведь до Хэллоуина оставался всего лишь день.

Музыка стихла, когда Холланд вошла в здание, где располагался факультет изучения фольклора. Она направилась к лестнице, мягко постукивая пробковыми каблуками по кафелю. Холланд всегда нравился этот звук, но каждый раз, надевая подобную обувь, она вспоминала, почему не любила их носить.

К сожалению, туфли на пробковых каблуках были ее единственной парой обуви, которая выглядела хоть как-то профессионально. В кофейне не было дресс-кода, поэтому обычно Холланд носила струящиеся юбки, пока не становилось слишком холодно. Сегодня она надела как раз такую, белую, до колен, и дополнила ее бледно-розовой укороченной блузкой, едва достигающей до пояса. На плече у Холланд висела кожаная сумка-мессенджер. Дженьюэри купила ее во время первой деловой поездки в Италию, и Холланд никогда с ней не расставалась.

Стук каблуков затих, когда она поднялась на второй этаж, застеленный злополучным зеленым ковром, не позволявшим цокать и дальше. Вдоль коридора, украшенного несколькими пластиковыми тыквами, тянулись закрытые двери с тусклыми именными табличками из бронзы.

Дверь кабинета Адама Бишопы, которая располагалась в дальнем конце, оказалась открыта.

– Добрый день! – постучалась Холланд. От этого дверь открылась еще шире, приглашая ее войти в пустой офис. Должно быть, кондиционер был сломан, поскольку здесь было теплее, чем на улице. Как в летний денек, что остался позади.

В кабинете не было никаких украшений в честь Хэллоуина. Там вообще почти ничего не было. Белые стены остались голыми, если не считать трех дипломов из очень дорогих и престижных школ.

– Либо этот новый профессор еще не закончил распаковывать вещи, либо все, что он хочет показать, – это неоправданно дорогие учебные заведения, которые он окончил, – пробормотала Холланд.

– Я тоже так подумал, – раздался мягкий голос у нее за спиной.

Холланд резко обернулась.

В дверях стоял еще один аспирант. Одетый в рваные джинсы и клетчатую рубашку, он выглядел как ее ровесник и был за неимением лучшего описания *горячим*. Невероятно горячим. Даже по меркам Лос-Анджелеса, где все были достаточно привлекательными. Должно быть, он учился на другом факультете, потому что, встретившись с этим парнем раньше, Холланд определенно запомнила бы его. У него были взъерошенные золотистые волосы, загорелая кожа и крепкие руки – как бы демонстрирующие, что он занимается спортом, заботится о своей форме, но без фанатизма.

Не то чтобы ей следовало их разглядывать.

Но парень, казалось, тоже оценивал ее. Его взгляд был прикован к ожерелью чуть выше выреза ее блузки. Она уже было хотела проследить, куда именно он смотрит, но одернула себя.

Холланд встречалась с Джейком. Хотя при мысли об этом ей казалось, что их недолгие отношения закончились давным-давно. Джейк запомнился ей, как те люди, с которыми она познакомилась, когда только вернулась в Лос-Анджелес, – словно они застали лишь несколько глав ее жизни.

– Так к какому варианту ты склоняешься? – спросил аспирант, указав на черные лакированные рамки.

Интуиция подсказывала Холланд, что дипломы были вывешены преднамеренно. Однако она почувствовала глупое желание произвести на этого парня впечатление, поэтому предпочла более доброжелательный ответ.

– К тому, что профессор Бишоп еще не закончил распаковывать вещи.

– Ошибаешься. Он претенциозный засранец. – Аспирант произнес это как утверждение, а не предположение.

Холланд оказалась удивлена, ведь до сих пор она слышала о профессоре Адаме Бишопе только хорошее.

– Почему он тебе не нравится?

– Я не говорил, что он мне не нравится.

– Ты назвал его претенциозным говнюком.

– Вообще-то я назвал его засранцем, – вскинул брови аспирант.

– Нет, ты... – Она готова была поклясться, что он произнес слово «говнюк», но теперь, прокручивая в голове последние несколько секунд, слышала: «*Ошибаешься. Он претенциозный засранец. Засранец. Засранец. Говнюк. Засранец. Говнюк*». Слова проносились в ее голове, как заевшая пластинка. Пока Холланд не почувствовала то, что происходило не в ее сознании.

Кап.

Кап.

Кап.

Холланд подняла руку, чтобы остановить текущую из носа кровь. Красные капли упали ей на ладонь, прежде чем запачкать белую юбку.

– Вот, возьми. – Аспирант достал из заднего кармана красный носовой платок. Конечно, он должен иметь при себе носовой платок. Носить носовой платок было совершенно нормально... *шестьдесят лет назад*.

Холланд предположила бы, что платок являлся частью костюма на Хэллоуин. Однако Хэллоуин будет только завтра, да и парень выглядел вполне обычно.

– Кто ты? – спросила она.

– Адам Бишоп, – сверкнул незнакомец идеальной улыбкой.

– Да что ты? – рассмеялась Холланд. В голове мелькнула мысль, что сексуальность и чувство юмора – фантастическое сочетание. Только вот аспирант не улыбнулся. Вместо этого он с пугающе серьезным видом кивнул. И Холланд внезапно охватила неприятная вспышка смущения.

– Может, тебе стоит присесть? – сказал он. Теперь и его голос звучал серьезно. Не осталось ни улыбок, ни усмешек, и Холланд почувствовала себя нелепо оттого, что решила, будто он флиртовал с ней. Хотя...

Совсем не таким она представляла себе Адама Бишоп. Рваные джинсы, клетчатая рубашка, сексуальная ухмылка (вычеркните последнее). Он же профессор. У него не было сексуальной ухмылки. За исключением того, что она у него все же имелась, даже если он больше не ухмылялся.

Холланд старалась не пялиться на его губы, но совершила ошибку, подняв взгляд на россыпь веснушек у него на переносице. И тут она увидела глаза Адама. Ореховые, с большим количеством зеленого, золотистыми крапинками и темно-синей дугой. Теперь она точно пялилась.

– Я правда думаю, что тебе стоит присесть, – предложил он. – Ты немного покраснела.
– Не покраснела. Просто я удивлена. – Но ее щеки определенно покрыл румянец. Она почувствовала это и знала, что Адам его тоже заметил.

Он засунул руки в карманы. Жест, явно предназначенный показать, что он отдаляется от нее, ведь она неправильно поняла ситуацию. После этого он намеренно отступил к столу.

– Давай начнем сначала. Меня зовут Адам, и я попросил о встрече, потому что собираюсь стать твоим новым научным руководителем.

– Что, простите? – выпалила Холланд.

– Я буду твоим новым научным руководителем, – повторил он.

– Но у меня уже есть руководитель!

– Именно поэтому я сказал, что стану твоим *новым* руководителем.

– Но вы не можете!

– Почему? – невинно поинтересовался он, но Холланд снова заметила ее – ухмылку, которая, казалось бы, спрашивала: «Потому что ты находишь меня привлекательным?»

– Думаю, произошла ошибка. – Холланд удалось сохранить невозмутимость. – С самого начала моим научным руководителем была Профессор Ким.

При упоминании Профессора Адам нахмурился:

– Поэтому я и настоял на личной встрече. Мне сказали, что вы были близки.

– То есть «были»? – взволнованно уточнила Холланд. – С ней что-то случилось?

Холланд попыталась вспомнить, когда в последний раз видела Профессора. Где-то в начале месяца. Профессор была необычайно рада, что наконец-то наступил октябрь. С тех пор лично они не встречались, но ведь сегодня она получила от нее посылку!

– Насколько я знаю, с ней все в порядке, – сказал Адам.

– Тогда почему вас ставят на ее место?

– Ты правда ничего не знаешь? – Вдруг он стал выглядеть так, будто испытывал к Холланд жалость. Секунду Адам молчал, как если бы не был уверен, как сформулировать то, что нужно сказать дальше.

– Профессора что, уволили? – спросила Холланд.

– Нет, – с осторожностью ответил он. – У меня нет права говорить что-либо по этому поводу, но твоим научным руководителем она больше быть не может.

– Подождите, но почему? – прервала его Холланд. – Профессор – один из самых любимых преподавателей на факультете.

– Но ее лекции полны лжи, – вставил Адам.

Холланд вздрогнула от внезапной резкости в его голосе.

– Жаль это говорить, – продолжил он более мягко. – Знаю, ты на нее равняешься, но не стоит. Эта женщина – лгунья и мошенница.

Он сказал что-то еще о том, что ему не разрешалось отвечать на вопросы по этой теме, но Холланд никак не могла сосредоточиться. Ей нужно было связаться с Профессором и выяснить, что именно произошло.

Холланд знала, что некоторые преподаватели не воспринимали Профессора всерьез. Однако большинство из них относились к ее занятиям как к безобидному развлечению и обычно не называли ее лгуньей.

– Что ж, спасибо, что сообщили. Было приятно с вами познакомиться, – солгала она.

– Подожди, – сказал Адам. – Нам все еще нужно обсудить твою диссертацию.

– Все в порядке. – Холланд уже начала пятиться к выходу. Если бы она осталась, то ввязалась бы в спор или разрыдалась. Ей не хотелось ни того ни другого.

– У тебя нет выбора, – сообщил он и, потянувшись назад, схватил со стола папку из плотной бумаги. На первом листе ничего не было, если не считать имени Холланд, написанного крупными буквами в углу.

У Холланд внезапно возникло ощущение, что у нее неприятности. Только на этот раз не нужно было спрашивать почему.

У нее вспотели ладони, и, глядя, как Адам открывает папку, она принялась тереть цепочку на шее.

Холланд очень гордилась тем, что написала, но содержание ее диссертации должно было остаться между ней и Профессором. Она поделилась некоторыми цитатами с Дженьюэри, но все прошло не очень хорошо, и у нее появилось предчувствие, что с Адамом Бишопом дела пойдут ненамного лучше.

Адам смотрел в папку, казалось, целую вечность, пока наконец не сказал:

– Мне нравится, что ты написала.

– Правда? – с облегчением уточнила Холланд.

– Ты превосходный писатель, – искренне произнес он. – В заметках Профессора упоминается, что, будучи на бакалавриате, ты некоторое время ходила на курсы творческого письма, и это заметно. Ты сразу же увлекла меня своей версией смерти Натальи Уэст. Умно было связать стремительный взлет к славе в 1950-х годах с ее загадочной смертью. Кроме того, ты проделала отличную работу, проведя параллели между странными подробностями смерти Натальи и другими знаменитостями, которые погибли при трагических или необъяснимых обстоятельствах.

Адам пролистал еще несколько страниц. Холланд пыталась сдержать улыбку: она все еще была расстроена тем, что он рассказал о Профессоре, но не могла отделаться от мысли, что в Адаме Бишопе скрывалось больше, чем она предполагала. Казалось, он действительно понимал, что она делает. К тому же он назвал ее умной.

– К сожалению, – Адам захлопнул папку и посмотрел на Холланд взглядом, из которого исчезло все веселье, – ты не можешь это использовать.

– Но... подождите... – запинаясь, пробормотала она. – Вы сказали, что работа хорошая.

– Так и есть. Твоя теория о том, что некоторые из самых известных смертей в Голливуде на самом деле были совершены дьяволом, чрезвычайно интересна... Для художественной литературы.

Словосочетание «художественная литература» прозвучало как пощечина. Во второй раз с момента их встречи Холланд почувствовала, как краснеет. Она не была уверена, делал ли Адам это нарочно, или он просто был придурком, но ей казалось, что он продолжал водить ее за нос.

– Ты остаешься на этом факультете с самого поступления, поэтому не думаю, что мне нужно объяснять, чем мы здесь занимаемся. Я лишь хочу, чтобы ты нашла новую тему.

– А что, если я докажу, что все написанное – правда? – спросила Холланд.

Адам посмотрел на нее так, словно ожидал услышать совсем другое. Холланд могла поклясться, что секунду он выглядел впечатленным, но это выражение исчезло с его лица так же быстро, как и загадочная ухмылка.

– Ты хочешь доказать, что дьявол существует?

– Да. – Произнеся это, Холланд ощутила ужасающий трепет. То же самое она испытывала всякий раз, когда работала над своей диссертацией. Тема была мрачной: копаться в старых голливудских смертях и связывать их с так и не выполненными сделками с дьяволом. Для Холланд заниматься этим исследованием было морально тяжело, поэтому она и отставала по срокам. Если бы не поддержка Профессора и тот факт, что эта тема много значила для самой Холланд, она бы уже отказалась от нее.

– Понимаю, – наконец произнес Адам. – Профессор может быть весьма убедительна. Но гнаться за любой из ее историй – опасная затея. Так что нет, я не предоставлю тебе шанса доказать, что дьявол существует. Мне нужно, чтобы ты представила новую тему к следующей среде.

– Слишком скоро, – запротестовала Холланд.

– Именно поэтому я уже подготовил для тебя несколько вариантов. – Адам любезно вытащил из папки листок и протянул его Холланд.

– Нет, спасибо, – сказала она, отказываясь даже прикоснуться к бумаге.

На красивом лице Адама отразился шок, как будто она снова отреагировала не так, как он ожидал.

– Возьми его на всякий случай, – настаивал он.

– Я не хочу, чтобы вы мне помогали, – заявила девушка. Холланд не нуждалась в его участии. Ей было все равно, что он сказал. Профессор не была лгуньей, а Холланд наивной. Она собиралась доказать это ради своего научного руководителя и ради своих родителей.

Стоило Холланд выйти из кабинета Адама Бишопа, как она достала телефон и позвонила Профессору.

– Здравствуйте, вы позвонили мадам Мадлен Ким. Я не люблю перезванивать и предпочитаю личные встречи. Если вы действительно хотите со мной связаться, меня можно найти в колледже в рабочее время или же отправить мне на дом корреспонденцию – если, конечно, вам повезло обзавестись моим адресом. Вы также можете отправить письмо, телеграмму или бандероль в мой офис. – Ее последние слова прервал долгий гудок.

Холланд повесила трубку и тут же отправила ей сообщение.

За те три года, что Холланд была знакома с Профессором, та ни разу не ответила на СМС и действительно редко принимала телефонные звонки.

Именно тогда Холланд вспомнила о визитке Мануэля Варгаса и достала ее из сумки. Изумрудные чернила переливались в приглушенном свете коридора.

Ранее Холланд убедила себя, что все это было мошенничеством. Но что, если нет?

В мыслях Холланд все истории с курса «Фольклор 517» были связаны. Она всегда представляла, что они существуют в одном мире, вроде вселенной сказок братьев Гримм. Если она была права, то вполне логично, что поиски Часовщика открыли дверь, ведущую не только к нему, но и ко всем остальным мифам и легендам Профессора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.